

Бросив старику золотую монету, Бель-Амур пришпорил коня и пустил его галопом в сторону зловещего леса. Старик проводил его взглядом и пожал плечами со словами: «Эх, молодёжь, молодёжь!». Но, разглядев как следует монету, прослезился от благодарности — ведь ему в жизни ещё не доставались такие богатые подарки — и отправился в ближайший кабак, приговаривая:

— Да сопутствует удача этому щедрому юноше, и да найдёт он ту, в кого влюблён!

При этом в уме он подсчитывал, сколько на эти деньги можно будет выпить кубков вина за здоровье доброго путешественника — и не только в этот же вечер, но и в последующие дни.

Подъехав к лесу, Бель-Амур без колебаний выбрал первую же дорогу, которая уходила в чащу. Лес был такой густой, а деревья такие высокие и с такой плотной кроной, что под их сенью царила вечная мгла. Дорога постепенно сужалась и вскоре превратилась в труднопроходимую тропинку. Фаэль шёл по ней с величайшей осторожностью, высоко поднимая копыта, чтобы не споткнуться о корни деревьев, ползущие по поверхности земли.

В чаще, тишину которой лишь иногда нарушало карканье воронов да робкое щебетание редких птиц, витал крепкий запах сырой земли. Фаэль нередко сбивал копытами огромные, как зонтики, грибы; под ногами у него проשמывали зайцы; иногда из зарослей высовывалась и тут же скрывалась точёная головка любопытной косули; но бесстрашные белки, резво перепрыгивая с ветки на ветку, почти не сводили с лошади пристального взгляда, словно не видывали подобного зверя.

Напрягая слух и взор, принц готовился к какой-нибудь неожиданной встрече. Но ничто не нарушало его унылого путешествия. Все та же тоскливая мгла, всё то же отсутствие всяких следов человека... пока наконец в глубине чащи не забрезжил просвет.

— Ну, наконец-то, поляна! — воскликнул принц. Он пришпорил Фаэля, который так же нетерпеливо, как и его хозяин, устремился к источнику света и, насколько позволяла тропа, ускорил шаг.

Принц не ошибся. Вскоре он оказался на залитой солнцем лужайке. Сердце юноши забилось быстрее, и он приветствовал солнечный свет долгими восторженными возгласами. Затем осмотрелся — под ногами коня раскинулся травяной ковёр, усеянный лесными цветами.

Поляна, окружённая деревьями и кустарниками, упиралась в развилку из трёх дорог. У обочины каждой дороги стоял большой камень, и на каждом была выбита надпись. Бель-Амур по очереди подъехал к каждому из трёх путевых камней и, наклонившись в седле, прочитал надписи.

Первая гласила:

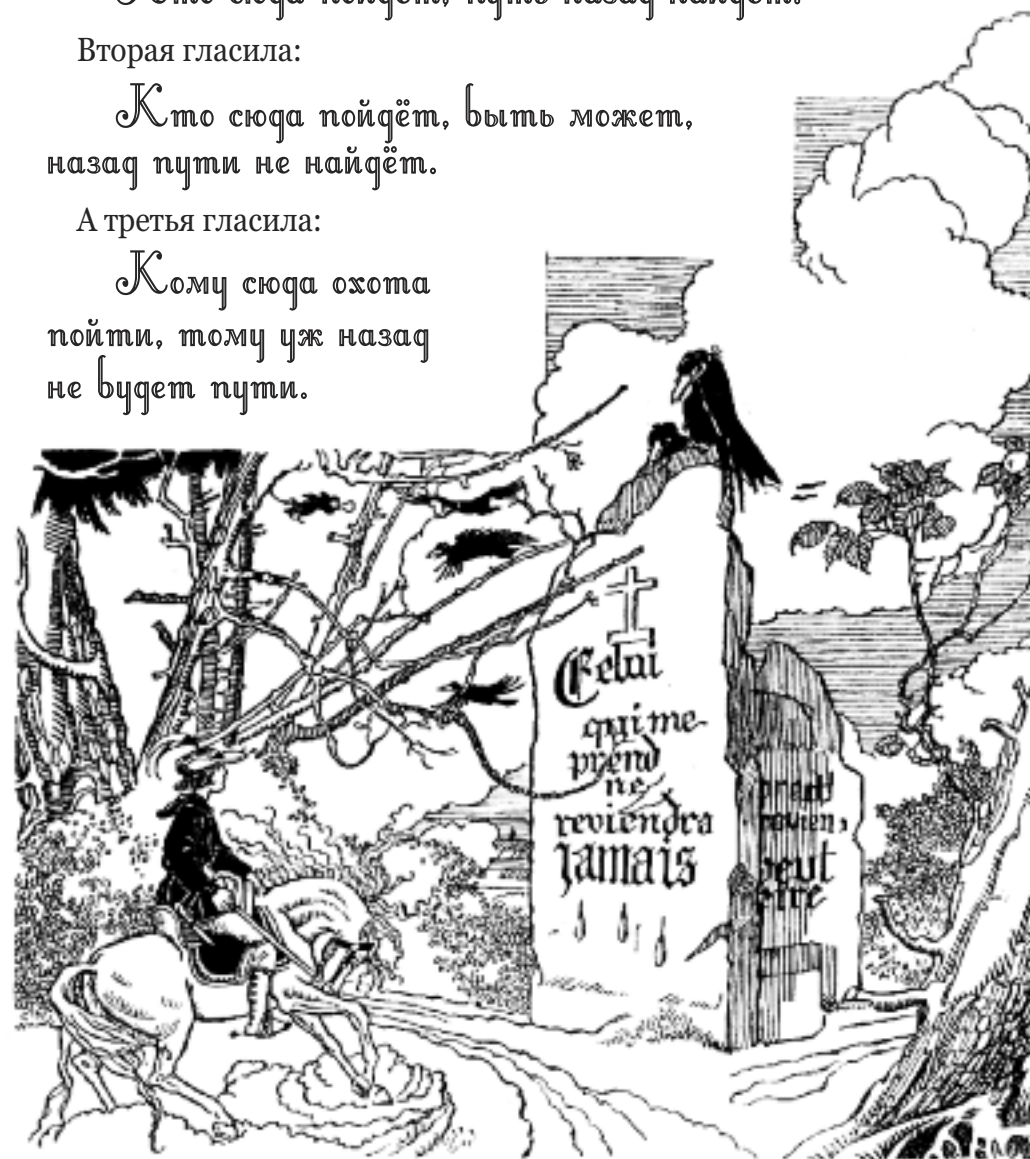
Кто сюда пойдёт, путь назад найдёт.

Вторая гласила:

Кто сюда пойдёт, быть может, назад пути не найдёт.

А третья гласила:

Кому сюда охота пойти, тому уж назад не будет пути.

— Сюда-то мне и надо! — недолго думая, воскликнул принц у третьего камня.

И поскакал резвой рысью. Эта дорога была гораздо шире, светлее и ухоженней, чем две другие. Её обрамляли два ряда лип, и она была посыпана таким удобным для лошадиных копыт песком, что Фаэль сам, без понукания, радостно поскакал по ней тихим галопом. Принц улыбнулся и похлопал коня по загривку:

— Вот и ты выбрал ту же дорогу. Ещё бы: двигаться по ней быстрее и легче — одно удовольствие, можно сказать. Но будем начеку! Кто его знает: вдруг дорожка потому и ухоженная, что кому-то хочется завлечь на неё путников. Чует моё сердце, ждут нас впереди какие-нибудь неприятности и злоключения... Ведь и к греху ведут всякие соблазны, а дорога к добродетели всегда терниста. Но тебе, мой друг Фаэль, с твоим чистым и отважным сердцем, которому неведом порок, опасаться нечего. Что же до меня, то я потому сразу выбрал эту дорогу, что с неё назад пути нету! Ведь нам-то с тобой к чему назад возвращаться? Уж я останусь там, где найду Флёретту.

Вскоре на дороге, с которой не было пути назад, показался дом — первое жилище с тех пор, как они въехали в лес. Спешившись, принц постучал в дверь и подождал. Ему никто не ответил, и тогда он сам открыл дверь и ступил за порог. В доме оказалось много комнат, со вкусом обставленных, одна роскошнее другой. Ни второго этажа, ни подвала в доме не было, поэтому Бель-Амур быстро осмотрел его целиком и, снова выйдя наружу и взяв коня под уздцы, направился к дворовым постройкам.

«Может, — думал он, — найдётся какой-нибудь конюх или работник?»

Но ни одной живой души нигде не обнаружил.

Прекратив поиски хозяев и слуг, Бель-Амур занялся конём. Странное дело: на этом безлюдном подворье всё содержалось в идеальном порядке и всего было в избытке, в том числе и сена на конюшне. Отведя туда Фаэля и задав ему корм, принц запер дверь конюшни на два оборота и положил ключ в карман.

На дворе стемнело. Бель-Амур снова вошёл дом и снова немало удивился: все масляные лампы и свечи были зажжены. Он точно помнил, что, когда осматривал дом в первый раз, ни одна свеча в нём не горела, и не менее точно знал, что в доме никого нет.

— Чудеса! Но не будем долго удивляться, а лучше постараемся тут обжиться. Судя по такому началу, нам предстоит ещё более удивительные события.

Ещё раз — для очистки совести — осмотрев все помещения дома и никого в нём не обнаружив, он вернулся в самую большую комнату, соединявшуюся с прихожей и служившую одновременно гостиной и столовой. Огромный диван приглашал к отдыху. Сильно нуждаясь в таком отдыхе, принц потрогал диван рукой и нашёл его удобным и мягким. Он растянулся на нём и утонул в пуховых подушках.

Однако едва он сомкнул веки, как скрип дверей тут же прогнал сон у него из глаз. Принц прислушался: в дом кто-то явно вошёл, тяжело ступая по полу. Высунув нос из-за подушек, Бель-Амур увидел особу столь странного вида, что засомневался, уж не грезит ли он. Он ущипнул себя и, убедившись, что не спит, услышал тонкий голос, доносящийся от входа:

— Хозяин, мне закрыться или остаться приотворённой?

«Вот это да! — сказал себе принц. — Неужто в этом доме двери разговаривают?»

— Закройся! — крикнул вновь прибывший.

Его голос гремел, как медные литавры, — аж хрустальные подвески на люстрах подрагивали. Росту вошедший был громадного, а лицом лишь отчасти похож на человека, потому что если нижняя половина лица была у него, как у всех людей, то есть имела подбородок, рот и нос, то верхняя была лишена и глаз, и век, и вообще какой-либо неровности на том месте, где им полагается находиться. Гладкий, без единой морщины, лоб накрывала густая копна волос, ниспадавших вьющимися, будто змеи, косичками. Пара подвижных полупрозрачных ушей, огромных, как тазики для бритвы, обрамляла эту свирепую и безобразную физиономию великана.

Изумлению — и, между нами говоря, ужасу — принца не было предела, при всей его храбрости и не менее крепкой закалке, чем у стали его меча. При виде чудовища он покрылся гусиной кожей, а по спине у него пробежал холодок.

Великан вытянул руки вперёд на манер слепых, но, не успев он сделать и трёх шагов, как послышался возглас:

— Хозяин, здесь кто-то есть!

Скрипучий, как ржавая пружина, голос исходил от старых напольных часов. Тут же заговорили и другие предметы мебели, причём каждый старался перекрыть других:

— Здесь юноша: сам хорош собой, одет как простолюдин! — сообщил старинный комод, инкрустированный перламутром и слоновой костью.

— Он отвёл в конюшню белоснежного коня, — уточнил шкаф для одежды, стоящий в прихожей, которому при открытых дверях было видно, что творится на дворе.

— Он прибыл меньше часа тому назад и обыскал весь дом! — провозгласило низкое кресло, располагавшееся напротив часов.

— Он явно издалека, потому что одежда у него в пыли, а сапоги — в грязи, — хором заявили ножки от стола.

Диван же объявил:

— Он прячется под моими подушками!

Бель-Амур тут же вскочил на ноги:

— Врёшь! — прокричал он с возмущением. — Ни от кого я не прячусь!

И добавил, обернувшись лицом к хозяину говорящего дома:

— Я стою перед тобой, великан! Меня зовут принц Бель-Амур!

Он сделал шаг вперёд, положив руку на рукоять меча и готовый выдернуть его из ножен. А великан ответил:

— Что ж, добро пожаловать ко мне в обитель, странник. Каким недобрым ветром занесло тебя в наши края?

— Я здесь единственно по своей доброй воле.

— Вот как? Значит, ты сам выбрал дорогу, откуда нет пути назад?

— Да, сам.

— Добровольно?

— Добровольно!

Великан покачал головой и спросил с удивлением:

— Как только что сообщили мне мои слуги — предметы мебели, ты молод и хорош собой. Чего же тебе так не терпится пуститься в приключения, что сулят лишь один печальный исход — верную смерть?

— Смерть есть «печальный исход» любой жизни, как гласит надгробная плита на одном церковном погосте в моей стране:

Помни любой, в этом мире живущий,
Даже богатым и сильным сльвущий:
Нет ничего, что от смерти спасёт,
Каждого ждёт неизбежный исход.

— Наш последний час предопределён неотвратимо, — продолжал принц, — и выбранная мною дорога туда, откуда нет пути назад, тоже назначена мне свыше. По воле сил небесных она приведёт меня либо к гибели, либо к спасению.

— К спасению? Что ты хочешь этим сказать?

Голос великана смягчился, в нём даже зазвучали добродушные нотки. Принц ответил:

— Я хочу сказать, что единственное моё спасение на этом свете —

в том, чтобы найти свою возлюбленную.

Услышав такие слова, великан, казалось, расчувствовался. Голос его стал тише и даже порой подрагивал:

— Вот как? И у тебя нет никаких других целей в жизни? Говори правду, и подумай над моим вопросом хорошенько, прежде чем отвечать, потому что, предупреждаю, если ты соврёшь, я сразу это пойму. Будучи слепым, я не вижу выражения твоего лица и не могу определить твою искренность или обман по глазам, но я наделён даром краснеть вместо того, кто мне лжёт. Если я почувствую, что к моим щекам приливает кровь, значит, ты говоришь неправду.

— Я никогда не лгу и лгать не собираюсь. Послушай...

И принц поведал ему свою историю. Когда он закончил, великан сказал:

— Будь благословен, принц Бель-Амур. В твоих жилах и правда течёт королевская кровь, а принцу лгать не пристало. Ты и не солгал мне, потому что щёки мои не вспыхнули. Ты обладаешь сокровищами, которые у людей встречаются реже, чем жемчужины в море или алмазы в недрах земли: благородством души и чистотой сердца. К этим твоим свойствам я обращаюсь и спрашиваю тебя: чувствуешь ли ты в себе способность совершить доброе дело бескорыстно, то есть сотворить добро ради добра, не ожидая взамен никакой выгоды или вознаграждения?

— Полагаю, что да.

— Даже с риском для жизни?

— Если дело того стоит — да!

— А подумал ли ты о своей возлюбленной? Неужели ты будешь настолько глуп, чтобы, ни на что для себя не рассчитывая, поставить под угрозу свою жизнь, которая, как ты мне только что сказал, целиком принадлежит ей?

— Выброси эту мысль из головы, великан! Я не глупец, а разумный человек. Будь оно не так, Флёретта не удостоила бы меня своей любви или отказалась бы от меня.

— Хорошо, а если бы я тебя попросил, например, рискнуть жизнью ради того, чтобы мне было даровано зрение и тем самым окончились мои страдания, — согласился бы ты?

— Да. Мне довольно знать, что ты несчастен, чтобы сослужить тебе службу, не ожидая от тебя ничего взамен.

— Хвала всевышнему, принц! Ты ответил так, как не ответил бы, пожалуй, никто другой! Знай же, что колдун по имени Гизурах вероломным обманом победил меня и обрёл меня на слепоту и уродство до тех пор, пока какой-нибудь человек не согласится добровольно и без расчёта на награду пожертвовать собой ради меня. Я-то уже отчаялся и верил, что мне суждено вечно оставаться слепым, считая, что на всей земле не найдётся столь доброго сердца. Но ты всё же дал мне такое обещание! Отныне страшное заклятие нарушено, но пока только наполовину. Зрение вернётся ко мне, а с лица моего уйдёт уродство, если ты достигнешь цели, стремление к которой привело тебя на эту дорогу. Так что теперь мы с тобой заодно: потерпит неудачу один, потерпит её и другой. С этой минуты я буду помогать тебе всеми силами, служа не только твоему, но и своему благу. Располагай мной, как хочешь. Чем тебе помочь, говори?

— Укажи мне, где находится Флёретта.

— Увы, этого я не знаю. Но могу дать тебе помощника, который обладает волшебной способностью приводить любого странника к цели.

— И тот помощник отведёт меня к ней? Вот чудо! Спасибо тебе, великан! Спасибо от всей души!

— погоди, я не закончил. Должен тебя предупредить, что тебе ещё предстоит преодолеть много препятствий, прежде чем ты добьёшься своего. А сейчас я хочу тебе подарить поющую лютню. Этот инструмент обладает изумительнейшим голосом. Он тебе пригодится. Пойдём со мной. Возьми меня за руку и отведи в конюшню.

Фаэль заржал от радости при виде хозяина. С изумлением принц обнаружил рядом со своим конём очаровательного ослика с гладкой блестящей шерстью и живыми глазками — оба копытных, судя по всему, прекрасно поладили друг с другом. Принц воскликнул:

— Что за прелесть, ей-богу! И такой чистенький, такой ухоженный!

— Это ты о моём ослике говоришь, да? Его зовут Пospешай. Его я и даю тебе в помощники. Стоит тебе подумать: «Хочу туда-то!», как он сразу тебя туда и поведёт — не ошибаясь и не отклоняясь от кратчайшей дороги. Но служить он может только одному хозяину — тому, кого я ему назначу, то бишь тебе. Горе тому, кто вздумает его у тебя похитить!

Затем, обращаясь к ослику, великан сказал своим медным голосом:

— Слышал, Пospешай? Отныне твой хозяин — принц Бель-Амур, и

его одного ты должен слушаться. А если вдруг кто-нибудь насильно или хитростью попытается тобой завладеть, на того падёт самое тяжёлое из моих заклятий! И только принц, здесь присутствующий, в силах будет это заклятие снять!

— Иа, иа! — прокричал ослик в ответ на слова великана, но, в отличие от того режущего слух рёва, который обычно издают его сородичи, это ржание прозвучало сладкозвучно и даже музыкально. Слепой великан вытянул руки сначала над животным, а затем над головой Бель-Амура и произнёс таинственное заклинание.

За ужином слух великана и принца гармоничными звуками услаждала волшебная лютня. Это был поистине удивительный ужин: подчиняясь приказу хозяина «Стол, накройся!», на стол легла скатерть, на неё приборы, из кухни по воздуху приплыли блюда, наполненные всякими яствами, и на столе выстроились бутылки. Последние сами собой откупорились, наклонились над кубками, чтобы наполнить их вином, и снова закупорились, встав на место.

— Понимаешь, — объяснил слепой великан-волшебник, — чтобы чудесная лютня заиграла, достаточно прикоснуться к её струнам и произнести слова: «Пой, из любви ко мне!». Но этот инструмент заколдован, так же как и Поспешай, и не может служить двум хозяевам сразу. Отныне власть заклинать её принадлежит одному тебе. И горе любому другому, кто попытается заставить звучать её струны!

Ужин затянулся далеко за полночь. Великан интересовался всем, что происходит в мире, откуда явился принц, а Бель-Амур жадно впитывал мудрые советы и постигал опыт несчастного волшебника.

Они расстались на следующий день, с первыми лучами зари. Поспешай бодро трусил перед Фаэлем, которого ничуть не смущало, что его, жеребца благородных кровей, ведёт за собой какой-то беспородный ослик. Достигнув края поляны, путники в последний раз услышали голос великана-волшебника, гремевший, словно дальнее эхо медных литавр. Стоя на пороге дома, он прокричал:

—частливого пути, принц Бель-Амур! Храни тебя небо!

Прежде чем углубиться в лесную чащу, принц обернулся в седле и на прощание помахал слепому шляпой — как будто тот мог его видеть! Под плащом он вёз поющую лютню, заключённую в богатый футляр из малинового сафьяна, на широком сафьяновом же ремне.

4.

Ведомые осликом, Бель-Амур и Фаэль через пять дней вышли из таинственного леса. Они оказались перед обширной равниной, через которую текла полноводная река. Спускаясь по склону, принц любовался окрестностями. Перед ним предстала картина изобилия, созданного неутомимым трудом. В полях, тщательно возделанных, работали крестьяне. На сочных пастбищах паслись тучные стада. Вдоль дороги стояли аккуратные белые домики богатых селений.

Бель-Амур, который ожидал увидеть за пределами леса следы войны и разрушений, порадовался этому зрелищу: «Что там болтал этот старик про проклятую землю и про людей, что якобы убивают друг друга за обладание золотыми реками?!» Пожав плечами, он заключил: «Сплетни и пустословие!»

Но он ошибался. Страна смерти, о которой рассказывал старик, существовала на самом деле. Просто волшебный ослик выбрал путь, от которого эта страна лежала более чем за тридцать лье. По своей молодости